

К 45-летию ИИЕТ

С. С. ИЛИЗАРОВ

ЭРНЕСТ КОЛЬМАН, НИКИТА ХРУЩЕВ И ИИЕТ*

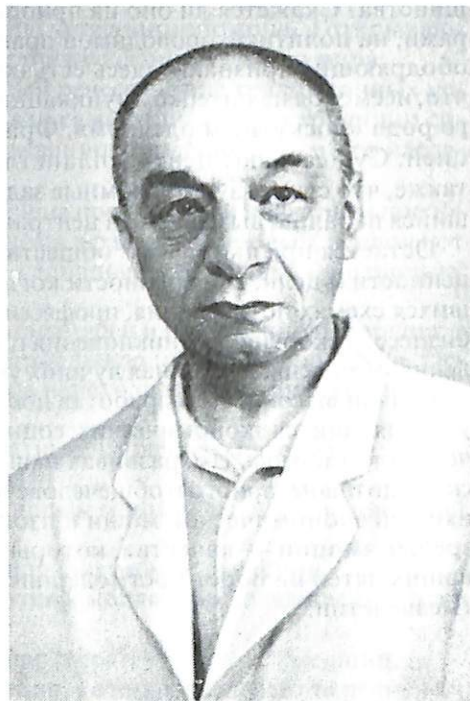
...Сталин пристально рассматривал меня... Он, не спросив, взял из моей охапки первую попавшуюся книгу, затем другую, бегло полистал, вернул и бросил с подчеркнутым презрением: «Все математика!»...

Э. Кольман
Три встречи со Сталиным

Прошлое необратимо. Прошлое состоялось.

Так должно быть в нормальном, здоровом обществе, в котором к прошлому относятся как к данности. На протяжении долгого периода у нас природа прошлого была самой подвижной и оно бесконечно подвергалось всевозможным деформациям и метаморфозам. Постепенно «управляемое» прошлое становилось непредсказуемым, неузнаваемым и все более далеким от некогда реального человеческого бытия в истории.

Наши оценки и эмоции, отношение к давним событиям и былым деятелям — это реалии настоящего времени, и их влияние в исторических реконструкциях возможно, даже неизбежно, но крайне нежелательно. Я это говорю в связи с тем, что герой настоящей заметки и нижепубликуемых документов одна из самых сложных и противоречивых фигур в нашей историографии. Сотрудники старшего поколения ИИЕТ — Института истории естествознания и техники — и ряда других научных учреждений Москвы (и не только Москвы, и не только России) хорошо помнят небольшого роста человека, энергичного, эмоционально выдержанного, который произ-

Э. Кольман (до 1957 г.)
Научный архив ИИЕТ РАН.
Публикуется впервые

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 96-01-00173).

водил впечатление весьма уверенного в себе, но в то же время демократичного в общении и доброжелательного к коллегам. Сам же я помню только некие коридорные шептания в Институте об открытом письме какого-то Кольмана Брежневу с заявлением о выходе из рядов КПСС. Было это в 1976 году. Потом, на годы, всякие публичные упоминания об этом человеке стали невозможны; его имя и многочисленные труды не попадали даже в фундаментальные библиографические справочники по истории естествознания. Общий покров умолчания в отношении Кольмана стал спадать со второй половины 80-х гг. К примеру, в середине 1989 г. в ряде изданий историографического характера, готовившихся к проходившему в этом году в Гамбурге очередному Международному конгрессу по истории науки, имя Э. Кольмана и его историко-научные труды, опубликованные под грифом ИИЕТ, заняли соответствующее место (см. [1, 2]). В последние годы чаще других об этом человеке и его роли в политизации советского естествознания вспоминали философы и историки математики, называя его «черным ангелом» за его яростные идеологические нападки на академика Н. Н. Лузина [3, с. 154].

Постепенно стала также проявляться специфическая роль Э. Кольмана как особо доверенного лица высшего партийного руководства в истории «десантирования» в 1931 г. советской делегации в Лондоне на знаменитом II Международном конгрессе по истории науки — самом примечательном и памятном для самосознания отечественных историков науки и техники. Именно Э. Кольману — секретарю советской делегации — Политбюро поручило не спускать глаз с Н. И. Бухарина и Б. М. Гессена, чей доклад сыграл, как известно, большую роль в судьбах западной историографии истории науки. К тому же Э. Кольман, Н. Бухарин и М. Рубинштейн выполняли личное поручение И. Сталина уговорить П. Капицу вернуться в СССР [4, с. 176]. «Особая роль» Кольмана во многих событиях и особенно в истории международного коммунистического движения наверняка еще неоднократно — по мере приоткрытия архивов — будет высвечиваться и обнажаться.

На редкость многолик образ Э. Кольмана: передовой боец гвардии советских идеологических «чистильщиков»; эрудит — знаток культуры, философии, математики; догматик и партократ, адепт коммунистической идеи и советского строя; и одновременно одна из его бесчисленных жертв, — познавший и горечь бессмысленных утрат своих близких, и сам прошедший через физические и моральные муки... В недавней нашей истории позиции преследователя и преследуемого, охотника и жертвы феерически быстро могли измениться в судьбе одного человека. В одно мгновение с вершин «московского олимпа» человек мог быть низвергнут в бездну, реальность которой была страшнее любых воображаемых картин преисподней.

В то же время Э. Кольман один из первых (если не первый!), кто прорвал завесу советского идиотизма в отношении кибернетики; один из немногих (а среди философов и историков науки опять-таки, наверное, единственный), кто взялся на исходе земного пути за тяжкий и трагический по своему характеру труд переосмысления прожитой жизни и осознания ее ошибочности. Не берусь судить, до какой степени его последняя и,

АРНОШТ (ЭРНЕСТ) КОЛЬМАН

**МЫ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ
ТАК ЖИТЬ**

CHALIBEE PUBLICATIONS, NEW YORK, 1982

возможно, главная работа — книга воспоминаний «Мы не должны были так жить» [4], в которой личности историка и участника исторического процесса неразрывно переплетены, — написана искренне, и его покаяние неподдельно и глубоко. Но нет никаких сомнений, что он вступил на этот непростой путь и прошел его — насколько смог или счел нужным пройти. В этом его несомненная заслуга.

Не имеет смысла пересказывать канву основных событий жизни Кольмана. Об этом можно прочитать в его книге воспоминаний, которую следовало бы переиздать, а точнее, издать в России в полном объеме на русском языке, поскольку это чрезвычайно интересный и ценный исторический источник. Кроме того, публикуемый ниже последний документ — собственноручно написанная им автобиография — обозначает основные вехи его удивительно насыщенной событиями жизни.

Причиной, заставившей меня еще раз обратиться к жизни Э. Кольмана, послужило выявление в бывшем архиве ЦК КПСС (ныне Центр хранения современной документации — ЦХСД) материалов, связанных с эпизодом его трудоустройства в ИИЕТ. Этот сюжет мне показался любопытным для истории нашего Института, в который раз пересекшегося с сильными мира сего. К тому же оказалось, что в своей книге Кольман упускает некоторые важные детали этой истории, да он, собственно, и не мог знать, как конкретно рассматривалось его дело в аппарате ЦК КПСС.

Несколько слов, проясняющих обстоятельства появления на свет нижепубликуемых архивных документов.

Первый среди них — это обращение Э. Кольмана к Н. С. Хрущеву с просьбой оказать личное содействие в трудоустройстве после потрясений 1948–1952 гг. Э. Кольман, возглавляя Отдел пропаганды ЦК компартии Чехословакии, выступил против секретаря ЦК Рудольфа Сланского и заведующей Орготделом Марии Швермовой и в сентябре 1948 г. был арестован и переправлен в СССР.

С Хрущевым он познакомился еще в 30-е гг. В начале 1936 г., после ликвидации Комакадемии Кольман стал руководителем Отдела науки Московского городского комитета партии*. Секретарем МГК, т. е. непосредственным начальником Кольмана был некоторое время Л. М. Каганович, которого вскоре сменил Н. С. Хрущев**. Оба руководителя Московской парторганизации, по впечатлению Кольмана, были по-товарищески просты, доступны, особенно Хрущев не стыдился учиться, «спрашивать у меня, своего подчиненного, разъяснений непонятных им научных премудростей». С Хрущевым Кольман встречался не только на работе, но и по выходным дням в привилегированных партдомах отдыха. Очевидно, у них сложились тогда добрые отношения, свидетельством чему служат два характерных случая.

Один связан с историей зашифрованного в акrostихе посвящения Кольмана своей жене и редактору — «Моей Катинке», помещенного в книге «Предмет и метод современной математики» (М., 1936). История с посвящением получила огласку и даже попала на страницы газеты «Правда» в уничтожающей критической рецензии А. А. Максимова. Но Хрущев на это только добродушно посмеялся. Другой случай был более серьезный. В 1937 г. «ужасная Варфоломеевская ночь опустилась на всю нашу страну» [4, с. 195] и «Ежовы рукавицы» стали все теснее сжиматься вокруг родственников Кольмана. Когда два брата его жены были репрессированы, другие братья и сестра исключены из партии, а затем и «Катю исключили в Госиздате из комсомола и уволили с работы». При сложившихся обстоятельствах Хрущев предложил Кольману подать заявление об уходе с партийной работы: «Он сердечно простился со мной, но на другую работу меня не направили, я стал безработным» [4, с. 196]. Почти год длилось это неопределенное состояние. Куда бы он ни обращался с просьбой трудоустройства, результатом был отказ. И вот, когда стало жить невмоготу и продавать уже нечего, он, скрепя сердце, обратился к Хрущеву с просьбой направить на любую работу. Неожиданно быстро, — вспоминал потом Кольман, — он получил назначение на должность инспектора только что организованного ВКВШ — Всесоюзного комитета по высшей школе.

В публикуемых нами документах упомянут Ю. А. Жданов, который сыграл в судьбе Кольмана в этот период определенную роль. Но знакомство Э. Кольмана с Ю. Ждановым состоялось еще в 1942 г. в 7-м отделе политуправления РККА. В этом отделе они занимались пропагандистской работой среди германских военнопленных. По словам Кольмана, «Юрий просто привязался ко мне. По образова-

* Воспоминания Кольмана содержат зачастую уникальную информацию. В частности, он, наверное, единственный из партиновников, кто рассказал о специфике и характере деятельности партийных структур, осуществлявших непосредственное руководство наукой. Представляет известный интерес и такая его характеристика Отдела науки МГК: «...Как и всюду тогда, работали мы не только днем, но и по ночам, до рассвета, но я убежден, что не с большой пользой, а отчасти даже с вредом для дела. В партийных отделах науки, в центре и на местах, в редакциях издательств, в Главлите, — человек решает судьбу научной работы только потому, что он сидит в данном кресле. Чаще всего он бездарен, невежествен, но угоден начальству, с темой работы, а то и со всей специальной областью, он знакомится впервые, когда работа попадает к нему» [4, с. 192].

** По воспоминаниям Кольмана: «Они оба перекипали жизнерадостностью и энергией, эти два таких разных человека, которых тем не менее сближало многое. Особенно у Кагановича была прямо сверхчеловеческая работоспособность. Оба восполняли (не всегда удачно) пробелы в своем образовании и общекультурном развитии интуицией, импровизацией, смекалкой, большим природным дарованием. Каганович был склонен к систематичности и даже к теоретизированию, Хрущев же к практицизму, к техницизму» [4, с. 192].

нию химик, он работал над кандидатской диссертацией по методологии этой науки, и я с радостью оказывал ему помощь в этом... В 7-м отделе я знал его как очень симпатичного молодого человека» [4, с. 213].

Когда три с лишним года, проведенные Кольманом на Лубянке, в Сухановской и Лефортовской тюрьмах, завершились 22 марта 1952 г. ночным разговором в кабинете министра Госбезопасности С. Д. Игнатьева и тот объявил, что произошло недоразумение, то здесь же немедленно были принципиально решены вопросы с квартирой и работой. По утверждению самого Кольмана, Жданов ему предложил вернуться на работу в Институт философии, но именно Кольман (а не Г. Ф. Александров, как свидетельствует второй публикуемый документ) отверг этот вариант. И тогда заведующий Отделом науки ЦК КПСС Ю. А. Жданов направил Кольмана в Автомеханический институт. Было это в марте 1952 г. Когда же Кольману наскучило работать в МАМИ, то обращение к своему старому знакомому уже не возымело силы. К апрелю 1953 г. Отдел науки ЦК КПСС подвергся реформированию, а сам Ю. Жданов не работал в ЦК КПСС и помочь Кольману уже никак не мог [5, с. 79–87].

Из текста второго документа становится ясно, что Кольман хотел бы вернуться с полным восстановлением прав в ЧССР, где он достиг высшего в своей жизни номенклатурного поста. Решение этого вопроса не входило в сферу компетенции Отдела науки, и потому он был поставлен перед Секретариатом ЦК КПСС. В этой связи и появился третий документ — записка-заключение М. Суслова. Как было решено это конкретное дело видно из текста документа.

Архивные материалы публикуются впервые и в полном объеме (включая все пометы и резолюции) в соответствии с существующими правилами издания исторических документов, при этом орфография и пунктуация сохранены. В квадратных скобках раскрыты сокращения. Курсивом выделен текст, написанный от руки.

Литература

1. Илизаров С. С. Материалы к историографии истории науки и техники. М., 1989.
2. Институт истории естествознания и техники: развитие и организация изучения истории науки и техники / Сост. С. С. Илизаров, О. А. Лежнева. М., 1989.
3. Демидов С. С. Москва математическая // Москва научная. М., 1997.
4. Кольман Арношт (Эрнест). Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982.
5. Гринина И. Р., Илизаров С. С. Отдел науки ЦК КПСС в период политического кризиса 50-х годов // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1996. М., 1997.

ДОКУМЕНТЫ О ПРЕБЫВАНИИ ЭРНЕСТА КОЛЬМАНА В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР

Документ 1. Письмо Э. Кольмана секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву с просьбой помочь в устройстве на научно-исследовательскую работу. 8 апреля 1953 г.

Отдел науки и культуры
тов. Суслову М. А.
Прошу рассмотреть и сказать свое мнение.
Н. Хрущев
30–IV–53

Тов. Степанову
Прошу переговорить
М. Суслов. 30/IV

Общий отдел Секретариата ЦК
Приложение к вх. № 23971

Секретарю ЦК КПСС товарищу Н. С. Хрущеву

Дорогой Никита Сергеевич!

Обращаясь к Вам, я не уверен, помните ли Вы меня, а поэтому хочу напомнить, что я работал зав. отделом науки МГК с 1936–38 гг. Тогда, из-за дела брата моей жены (это «дело» впоследствии оказалось дутым, сейчас он Герой Сов[етского] Союза, генерал), я должен был уйти. Долго, благодаря [К.Я.] Бауману, оставался без работы и лишь по Вашему вмешательству, я ее получил. С 1939 по 1945 гг. я заведовал сектором диалектич[еского] материализма Института Философии АН СССР. В 1945 г. был направлен в Прагу, где работал зав. отделом пропаганды ЦК КП Чехословакии и проф. философии Пражского университета. Осенью 1948 г. я выступил против [Р.] Сланского и [М.] Швермовой и был арестован, а в марте 1952 г. был полностью реабилитирован, как помогший разоблачить этих врагов. Наша партия спасла меня от рук этой банды, лично товарищ Маленков заботливо распорядился, чтобы мне дали квартиру. Тов. С. Д. Игнатьевым мне было предложено выбрать работу по желанию. Так как я считал, что нужно мне сперва войти в жизнь, от которой я был оторван полностью 3 1/2 г., то я решил временно поработать как профессор математики, а не по философии. Так, я с мая 1952 г. и работаю проф. Моск[овского] автомеханического ин-та. Но я вскоре убедился, что работать научно по моей специальности — по философии математики и естествознания — я здесь могу лишь урывками. Поэтому я обратился с просьбой о более целесообразном использовании меня к тов. Ю. Жданову. Он обещал мне помочь устроиться на научной работе, либо в АН, либо в МГУ. Но потом он сообщил, что это пока у него не получается (его желание мне помочь натолкнулось на сопротивление в АН и в МГУ) и что мне придется повременить, пока поработать в МАМИ.

Сейчас, дорогой Никита Сергеевич, я решил обратиться к Вам с этим вопросом. Тяжело сознавать, что я работаю не в полную меру имеющихся у меня сил. А так как я считаю, что должен высказать Вам все искренне, не боясь, что Вы заподозрите меня в нескромности, то не могу скрыть, что недоумеваю, почему, собственно, я не был направлен обратно в Прагу, где — по постоянным отзывам чешских руководящих товарищей — я 3 года работал весьма плодотворно и где такой недостаток марксистских сил.

Буду глубоко признателен Вам, если ответесть на мое письмо.

С коммунистическим приветом
глубоко уважающий Вас Э. Кольман,
чл[ен] КПСС с 1918 г., п[артийный] б[илет] 0001463

Мой адрес: Москва 80, ул. Левитана, корп. 6 кв.39,
д-р фил. наук проф. Э. Кольман.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 17. Д. 412. Л. 20–21об.
Рукопись. Подлинник. Подписи — автограф.

Документ 2. Записка заведующего Отделом науки и культуры ЦК КПСС А. М. Румянцева и заместителя заведующего Н. И. Глаголева секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву с рекомендацией трудоустройства Э. Кольмана в Институт истории естествознания АН СССР. 28 апреля 1953 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н. С.

В письме на Ваше имя профессор кафедры математики Московского автомеханического института Кольман Э. просит предоставить ему возможность вести научную работу в области методологии математики и естествознания. Одновременно проф. Кольман сообщает, что ему неясны причины, препятствующие его возвращению в Чехословакию, где он работал с 1945 года по 1948 год и был репрессирован за выступления против Сланского и Швермовой.

Проф. Кольман приглашался в Отдел науки и культуры ЦК КПСС. В беседе он выразил желание работать в качестве научного сотрудника в Институте истории естествознания или в Институте философии Академии наук СССР. В настоящее время он пишет монографию о Больцано — крупном чешском математике и философе. Однако проф. Кольман считает, что наибольшую пользу он сможет принести в Чехословакии, ведя педагогическую и исследовательскую работу в Пражском университете. Проф. Кольман подчеркнул, что ему было сообщено о его полной реабилитации, и поэтому он хотел бы получить разъяснения, почему его не направляют на родину, в Чехословакию, где ощущается острый недостаток в профессорах философии.

Директор Московского автомеханического института т. Синецкий дал положительный отзыв о работе проф. Кольмана в институте. Постоянной партийной работы проф. Кольману не поручалось, отдельные поручения партбюро института он выполнял добросовестно.

Директор Института философии Академии наук СССР академик Александров Г. Ф. сообщил в Отдел науки и культуры ЦК КПСС, что он считает нецелесообразным привлекать проф. Кольмана на работу в институт, так как проф. Кольман с 1939 года по 1945 год руководил сектором диалектического материализма Института философии и не создал каких-либо ценных научных трудов.

Представляется целесообразным предоставить проф. Кольману возможность продолжать исследовательскую работу по истории и методологии математики и физики в Институте истории естествознания Академии наук СССР.

В связи с тем, что проф. Кольман ставит вопрос о направлении на работу в Чехословакию, просим Ваших указаний.

(А. Румянцев)
(Н. Глаголев)

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 17. Д. 412. Л. 22.
Машинопись. Подлинник. Подписи — автограф.

Документ 3. Записка секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву о трудоустройстве Э. Кольмана в Институт истории естествознания АН СССР и о возможности направления Кольмана в Чехословакию. 8 мая 1953 г.

Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Профессор Э. Кольман просит предоставить ему возможность вести научную работу в области методологии математики и естествознания. В настоящее время имеется возможность предоставить такую работу проф. Кольману в Институте истории естествознания Академии наук СССР. С данным предложением Э. Кольман согласен.

В своем письме проф. Кольман спрашивает, почему он после его реабилитации не был направлен обратно в гор. Прагу. Считаю возможным разъяснить проф. Кольману, что со стороны чехословацких товарищей нет просьбы о направлении его в Чехословакию, поэтому направлять его — гражданина СССР — в Чехословакию без такой просьбы нет оснований.

В случае приезда в Москву кого-либо из руководителей Чехословацкой компартии, можно будет переговорить с ними по поводу возможностей возвращения Э. Кольмана в Прагу.

М. Суслов.

В конце документа помета и резолюция: *Тов. Хрущев ознакомился «Согласен» 11/V-53. Г. Ш[уйский].*

Тов. Виноградову. Ознакомиться

М. Суслов 12/V

ЦХСД. Ф. 5. ОП. 17. Д. 412. Л. 23.

Машинопись. Подлинник. Подписи — автограф.

Документ 4. Автобиография, написанная Э. Кольманом в Институте истории естествознания и техники АН СССР. 21 мая 1957 г.

Автобиография

Кольман Эрнест родился 6.12.1892 г. в г. Прага (Чехословакия) в семье почтов[ого] чиновника. По национальности чех, с янв[аря] 1918 г. гражданин СССР. С 1910 по 1914 г. состоял чл[еном] Чешской социал-демократ[ической] партии, с апр[еля] 1918 г. чл[ен] КПСС, в оппозициях не участвовал, партвызысканий не имел и не имеет.

В 1913 г. окончил Математич[еское] отд[еление] философ[ского] фак[ультета] чешск[ого] Карлова университета в Праге, одноврем[енно] сдал госэкзамен по электротех[нике] в чешск[ой] Политехн[ической] высш[ей] школе. Оставлен при унив[ерситете] как ассист[ент]-вычислит[ель] Астрон[омической] обсерватории.

В авг[усте] 1914 г. мобилиз[ован], окончил офицерск[ую] школу австро-венг[ерской] армии, но в офицеры, как «неблагонадежный» (член СДП) не произведен. Как «кадет-аспирант» (подпрапорщик) 91 пех[отного] п[олка] австро-венг[ерской] армии участвовал в боях в Карпатах, где в фев[рале] 1914 г. был тяжело контужен. Затем в Галиции и на Волыни, где в сент[ябре] 1915 г. был взят в плен. Находился в лагерях военно-плен[ных] в Дарнице. Царицыне, Астрахани, Иваново-Вознесенске, на работах в Богородске. За большевистское выступление 1 мая 1917 г. был заключен в пересылочную тюрьму в Ив[аново]-Вознесенске. В октябрьские дни был освобожден и начал вести политработу среди военно-пленных. В декабре 1917 г. вызван в Москву и избран зам. председателя Всеросс[ийского] К[омите]та быв[ших]

военно-плен[ных], был чл[еном] ред[акции] газеты «Мировая революция». Одновременно вступил в Кр[асную] гвардию, сначала бойцом, затем в 1 Моск[овском] полку на фронте против немцев (г. Себеж) избран нач[альником] оперупр[авления] участка фронта. В янв[аре] 1918 г. как делегат от быв[ших] военно-плен[ных], участвовал в III всероссийск[ом] съезде советов в Петрограде. В фев[рале] 1918 г., в момент заключ[ения] Брест-Литовск[ого] договора, вел переговоры с германским командованием в Режице об установл[ении] демаркацион[ной] линии. В марте 1918 г., когда герм[анский] генерал Кюльман потребовал выдачи членов Всеросс[ийского] К[омитета] б[ывших] воен[но]-плен[ных], постановлением Президиума Моссовета получил советское гражданство с янв[аря] 1918 г.

В апр[еле] 1918 г. Хамовнич[еским] РК РКП(б) (Москва) принят в партию. В 1918-1919 гг. был членом Басманного РК РКП(б) (Москва), 1919-1920 гг. чл[еном] МК РКП(б), 1920 г. чл[еном] Красноярского Губкома РКП(б), 1924 чл[еном] Замосворецкого РК, 1925-1929 чл[еном] МК РКП(б), 1921-1922 чл[еном] ЦК КП Германии. В первичных парторганизациях неоднократно избирался чл[еном] бюро.

С апр[еля] по дек[абрь] 1918 работал нач[альником] отд[ела] формирования и обучения Хамовнич[еского] Военкомата, откуда добровольно уехал на Южный фронт, где в Лисках был секретарем Ревкома, в нояб[ре] 1918 участвовал в боях под Ст[арым] и Нов[ым] Осколом. Затем отозван в Москву, работал в Басман[ном] РК РКП(б), далее чл[ен] райтройки МЧК. В апр[еле] 1919 г. уехал добровольно на фронт против Юденича, назначен нач[альником] рабоч[его] отряда Басман[ного] и Лефортовск[ого] районов под Кр[асной] Горкой. Летом 1919 г. добровольно выехал на Вост[очный] фронт, где сначала как инспектор Вост[очного] фронта участвовал в разгроме контрреволюц[ийного] заговора в Воткинске, затем в 5-ой армии был на должности нач[альника] армейск[ой] партшколы, военком интернац[иональной] дивизии, последняя должность — начпоарм-5*. В конце 1920 был отозван ЦК ВКП(б) в Москву для работы в Коминтерне, где был референтом Агитпропа по странам немецк[ого] яз[ыка]. В 1921 уехал на парторботу в Германию, был редактор[ом] ком[мунистических] газет в Дюссельдорфе, Хемнице, Бреслау. В 1922 арестован и после 1/2 г. тюрьмы приговорен к 5 годам крепости, но обменен. В 1923 работал зав. отд[елом] самообраз[ования] Агитпропа МК ВКП(б), с лета 1923 по начало 1924 вновь направлен в Германию, где в Берлине был организатором рабочих дружин на з[аво]де Амби-Верке. В день смерти В. И. Ленина назначен зав. Агитпроп[ом] Замосворецкого РК, с осени 1924 зав. Мосгубполитпросветом. В 1926 г. назнач[ен] зав. и глав[ным] ред[актором] и издательств[ом] Моск[овский] Рабочий МК ВКП(б). С 1929 г. назначен пом[ощником] зав[едующего] Агитпропом ЦК ВКП(б). Отсюда добровольно поехал парторгом на Карабашский медеплавильный з[аво]д (Урал), после чего вновь вернулся на прежнюю работу в ЦК. Политбюро ЦК был назначен чл[еном] Комиссии по проверке работы Средне-азиатской парторганизации, пробыл в Сред[ней] Азии около 1/2 года. В 1931 г. назначен зав. Кабинетом К. Маркса ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), одновременно избран чл[еном] Комакадемии при ЦИКе и чл[еном] ее Президиума. В 1929 г. назначен чл[еном] редколлегии журн[ала] «Под знаменем марксизма», которым состоял до 1943 г. В 1931 г. избран председ[ателем] Ассоциации Естествозн[ания] при Комакадемии. В 1931-1933 был директором института Красной профессуры естествознания. В 1933 был чл[еном] Комиссии ЦК ВКП(б) по проверке партдокументов на Украине. В 1935 чл[ен] «пятерки» ЦК ВКП(б) (предс. Л. М. Каганович) по составлению генплана реконструкции г. Москвы. В 1936 г. назначен зав. отд. науки МГК ВКП(б). В 1938 г., в связи с исключением из партии брата моей жены (затем реабилитированного, теперь герой Сов[етского] Союза, генерал-майор З. А. Концевой), ушел с этой работы. До 1939 был инспектором при председателе ВКВШ. С 1939 по 1945 работал в инст[итуте] философии АН СССР ст. научн. сотр., затем зав. сектором диал[ектического] материализма. Во время Вел[икой] Отеч[ественной] войны одновременно

* Так в оригинале.

работал в 7 отд. ПУРКА. В сент[ябре] 1945 направлен ЦК ВКП(б) на работу в Чехословакию, в Прагу. Здесь работал зав. отд. пропаганды при ЦК КП Чехословакии, и.о. председателя Социалистичес[кой] Академии и др. Одновременно был проф. философ[ского] фак[ульте]та П[ражск]ого университета. После возврата в Москву, с мая 1952 по июнь 1953 работал профессором на кафедре высш[ей] матем[атики] Моск[овского] автомехан[ического] инст[итута], затем ЦК КПСС направлен в АН СССР для научн[ой] работы в инст[итут] истории естествознания, слившийся затем с [комиссией по] ист[ории] техники, где работаю сейчас ст. научн. сотру[д]ником.

С 1934 г. имею учен[ую] степ[ень] доктора философ[ских] наук, с 1939 г. — ученое звание проф. математики. Печатные работы по вопр[осам] философии матем[атики] и естествозн[ания], по истории матем[атики] и естествозн[ания], по логике и диалект[ическому] матер[иализму], по ист[ории] философии — около 175. Участвовал с докладами в 1931 г. как член Сов[етской] делегации на Межд[ународном] конгр[ессе] ист[ориков] науки и техн[ики] в Лондоне, 1932 на Межд[ународном] математ[ическом] конгр[ессе] в Цюрихе, в 1948 на Междуна[родной] Конференции прогресс[ивных] ученых в Праге, в 1948 г. руководитель делегации Чехослов[акии] на Междуна[родном] философ[ском] конгр[ессе] в Амстердаме. Выезжал из Праги с научн[ыми] докладами в 1946 в Австрию, в 1946 в Болгарию, 1947 в Югославию. В 1945 г. был представителем Чехословакии на конференции Юнеско в Лондоне, в 1946 г. членом делегации Чехословакии на Междуна[родной] мирной конф[еренции] в Париже. Знаю чешский, немецкий, французский, английский языки.

С 1918 г. преподавал в различ[ных] совпартшколах политэкономия и марксизм-ленинизм. С 1929 в И[нституте] К[расной] П[рофессуры] философии и И[нституте] К[расной] П[рофессуры] естествознания — историю и философию математики. С 1938 по 1941 гг. проф[ессор] математики в Моск[овском] энергет[ическом] институте, где кроме общего курса анализа читал спецкурсы, в 1942 в университете в Алма-Ата, в 1943–1945 гг. в Пединституте им. Ленина в Москве и в Юридическом и[нститу]те в Москве читал логику, в 1945–1948 гг. читал разные философ[ские] дисциплины и матем[атическую] логику в П[ражском] университете, в 1952–1953 гг. общий курс матем[атического] анализа и спецкурсы в Моск[овском] автомех[аническом] инст[итуте], с 1954–1956 на кафедре философии при Президиуме АН. В 1926–1931 гг. был членом Госуд[арственного] Ученого Совета при Наркомпросе РСФСР, 1929–1936 гг. редактором матем[атического] отд[ела] Б[ольшой] С[оветской] Э[нциклопедии], 1945–1948 гг. член Госуд[арственного] Учен[ого] Совета Чехослов[ацкой] Республики, 1946–1948 председатель Антифашистского общества Чехословакии. С 1953 чл[ен] Всесоюзного о[бществ]а по распростр[анению] полит[ических] и научн[ых] знаний. Награжден медалью За доблестный труд в Вел[икой] Отеч[ественной] войне в 1945 г.

Жена моя Е. А. Концевая 1909 г. рождения в г. Херсоне, беспартийная, писательница, сын Эрмар Э. Кольман 1920 г. рождения в г. Красноярске, чл. КПСС, канд. наук, доцент, декан Моск[овского] и[нститута] Хим[ического] маш[иностро]ен[ия], сын Электр Э. Кольман 1926 г. рожд[ения] в г. Москве, сотру[д]ник И[нститута] горюч[их] ископ[аемых] АН СССР, дочь Ада Э. Кольман 1939 г. рожд[ения] в г. Москве, чл. ВЛКСМ, студентка 1 курса биофака МГУ.

В Праге живет мой двоюродный брат Фр. Лангр — народный писатель Чехословакии; в Готтвальдове мой дядя Фр. Пахнер, врач-пенсионер.

Э. Кольман

Научный архив ИИЕТ РАН. Личное дело Э. Кольмана.
Рукопись. На бланке АН СССР. Подлинник. Подписи — автограф.

Подготовка текста и публикация И. Р. Грининой и С. С. Илизарова